

В ожидании знаков

**Сара Бендетская
Рассказы**

Сара Бендетская

В ожидании знаков. Рассказы

«Издательские решения»

Бендетская С.

В ожидании знаков. Рассказы / С. Бендетская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905998-7

«Ложечка сделала несколько звонких задумчивых кругов в чашке.— Видишь, время какое шустрое... — сказала бабушка. Но не думай, что ты одна. Мы с тобой, даже когда ты не ощущаешь. Присмотрись к знакам — в утреннем ветерке, в глазах твоих детей, в зеленом свете на дороге, в половнике супа, в счастливом совпадении». Присмотритесь и вы к знакам в лирических и озорных рассказах Сары Бендетской. Вас ждет немало сюрпризов, путешествий, взрывов хохота и чудес — больших и маленьких. Готовы? Тогда в путь!

ISBN 978-5-44-905998-7

© Бендетская С.
© Издательские решения

Содержание

Лайфхаки ветреные	6
Города. История Любви	7
В ожидании знаков	9
Красно-белые полоски	12
Таксист	13
Из жизни зожников	15
Искренние поздравления	17
Смартфон	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

В ожидании знаков

Рассказы

Сара Бендетская

Оформление обложки: Репродукция картины Елены Ревис «Under the Rain»
| yelenaartstudio.com

Иллюстратор: Руслан Спивак

Дизайнер: Manfred Cohen | bluesquarecreative.com.au

Корректор: Алена Зуева

Сайт Сары Бендетской: bendetka.wordpress.com

© Сара Бендетская, 2018

ISBN 978-5-4490-5998-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моей маме, подарившей мне любовь к слову

Лайфхаки ветреные

Я не знаю, как вы, а я страшно не люблю про-кра-сти-ни-ро-вать. Нет, не просто «откладывать на потом», а именно прокрастинировать – до хруста в мозгах, до зуда в совести. Жить под игом обязательств, орать, метаться, грызть ногти, жевать кофейные зерна и писать-писать всякую ахинею до утра.

Нет уж. Дудки. Проходили. Теперь я журналист со стажем, а потому ВСЕ делаю вовремя.

К примеру, надо мне написать статью о лайфхаках и пресловутом тайм-менеджменте к вечеру воскресенья? Легко. Тут главное к заданию подойти ответственно и не терять ни минуты.

Сначала помою посуду, сварганю обед, постирну шесть корзин белья, за диваном подмету – а как же! – по фэншую нельзя работать в беспорядке. Так что приходится засоренную карму вантузом чистить.

Два часа дня – времени навалом. А значит, вполне себе можно помедитировать, настроиться, так сказать, поискать музу. А где она водится? Правильно – на фейсбуке. В каждом статусе по музе, в ютубовских ссылках – по паре, в тестах «Какое вы растение?» – целый вагон муз.

Так и знала. По цвету я кактус, по форме – баобаб.

Ну-с, пять вечера, в самый раз садиться за работу. Сколько можно по ватсапу кидаться сообщениями? Только домашних накормлю, сгребу остатки в холодильник и протру стол – сразу, а не глубокой ночью, случайно завалившись на кухню в поисках печенек... Вы их, кстати, не видели?

Семь вечера. Усталость какая-то накатила... Оно и не удивительно, за день набегаешься... Еще и статья эта.

Ладно. Соберусь. Не впервой. Я ж этот... как его? Журналист. Выпью чайку и за работу. Только сгоняю за десертом в кафешку – и назад. Надо напитать мозг сахаром, это, между прочим, научный факт.

Девять вечера. Хорошо с Зинкой посидели. Кто ж знал, что встретимся в кафе? Мы с ней целую неделю не виделись. Наболтались на год вперед. Даже сил нет думать. Хотя о чем там думать? Спать пора. А что, вроде все сегодня успела? Или не все?

А-а-а-а! Статья!

ТАК.

Не паниковать и срочно искать лайфхаки.

Руки, ну-ка быстро перестали трястись. Мозг, включайся. Давай-давай... Я тебя умоляю.

Во-первых, можно прикинуться больной. Да. У меня атипичный птичий зуд. Вся тушка чешется, прямо невозможно выдавить из себя ни одной дельной мысли. Хотя... Не проканаает. Уже было – в четверг.

А во-вторых, что, если комп сошел с рельсов? Работал-работал, уже накатала десять страниц текста, а тут хря-я-ясь – и серый экран? А в бекапы¹ не верю. Они мешают импульсивному творческому процессу.

А может, прийти в редакцию на каблучках, в пальто и шляпке, сесть нога на ногу, дунуть на челку, выждать эффектную паузу и сказать, смотря куда-то вдаль, что, мол, все есть суета сует, и затеи ветреные, и давно пора писать о вечном?

Выпрут. Несомненно, выпрут. Уже было – в пятницу.

Поэтому выход один: **ОРАТЬ, МЕТАТЬСЯ, ГРЫЗТЬ НОГТИ, ЖЕВАТЬ КОФЕЙНЫЕ ЗЕРНА И ПИСАТЬ-ПИСАТЬ ВСЯКУЮ АХИНЕЮ ДО УТРА.** Авось что-нибудь получится.

¹ Бекап (от англ. backup – дублирование) – создание резервных копий электронных документов.

Города. История Любви

Мой роман с Мельбурном приключился неожиданно для меня самой, ведь поначалу я относилась к австралийцу враждебно, припоминая ему моих бывших: Москву, Нью-Йорк, Питтсбург и Монреаль. Все они, как декорации, знаменовали собой очередную ступень в альпинизме моей биографии. А началось все с Москвы – с первой любви.

Еще детьми мы ходили, взявшись за руки, играли в песочнице на виду у заботливых родителей, считавших, что я никогда не расстанусь с Москвой. Ведь я так обожала столичную толкучку, огни кремлевских башен, спектакли и новогодний салют! Школьницей я прогуливала уроки не где-нибудь, а на Красной площади, где даже в будни царила праздничная атмосфера: улыбались молодожены, сновали туристы, обвешанные фотокамерами...

Мой первый ухажер водил меня гулять на Арбат, воспетый Булатом Окуджавой. Именно там я встречала заезжих эмигрантов, приезжавших на побывку в Россию. Они толпились у ларьков с сувенирами и судорожно выбирали подарки родне: матрешки, шкатулки, оренбургские платки. Я усмехалась их выбору, не зная, что пройдет совсем немного времени, как я сама пополню ряды этих непонятых людей: улыбчивых, неуверенных в себе, сильных духом и тоскующих по безвозвратно ушедшему...

В шестнадцать лет меня приняли в еврейскую школу в Америке и я рассталась с Москвой, отправившись на поиски приключений за рубеж. Москва не устраивала сцен – она холодно проводила меня в Шереметьево пасмурным, дождливым осенним днем. Я стояла в очереди на посадку, а мои смущенные родители остались за разделительной чертой аэропорта. Папа натянуто улыбался, мама всхлипывала и знаками просила дать знать как доберусь.

За нами наблюдала Москва – гордая, оскорбленная, величавая. Хмурые пограничники гулко отштамповали мой бордовый паспорт и провели в самолет. Я тихо сидела у иллюминатора, размазывая слезы. Шел ливень. Захлопнулись двери, и я поняла, что уже никогда у меня не будет родины, что грядет череда сложностей и перемен, но назад дороги не было.

Пенсильванский город Питтсбург, где находилась моя школа, оказался скучным, нудным старикашкой. Он гордился своей угольной промышленностью, не любил шума и рано ложился спать.

Я скиталась по городу, пытаюсь увлечься серьезным Питтсбургом, но перед глазами стояла озорная Москва-победительница. Она богатели, разъезжала на дорогих машинах, отдыхала на лучших мировых курортах и всем своим видом показывала, что в моем присутствии не нуждается.

В те годы я регулярно приходила в русский магазин за телефонной карточкой – моим порталом в мир близких, родных голосов. Но время шло, прошлое отдалялось, оставляя меня за бортом российской реальности, и тем для обсуждения становилось все меньше.

Окончив школу, я поступила в еврейскую семинарию в канадском Монреале, гавани французского Квебека. После простоватого Питтсбурга Монреаль казался мечтой. Владелец европейских манер и американских просторов, Монреаль очаровал меня королевскими нарядами природы, живописными озерами, хрустящим снегом, английским с примесью французских слов. Замысловатая архитектура создавала иллюзию прогулок по родной Москве.

Монреаль поил меня ароматным кофе в уютных кафешках. Мы играли в снежки, катались на коньках и терялись в многоликой толпе.

Я снова почувствовала себя счастливой после разлуки с Москвой. Однако вскоре моя учеба закончилась, я перевелась в Нью-Йоркский университет, и мы расстались с Монреалем.

Мне было девятнадцать. Я гордо рассказывала родным и друзьям, что учусь на Манхэттене, в пяти минутах ходьбы от Empire State Building и Пятой авеню.

Нью-Йорк манил многообразием культур. Утром я спускалась в грязное бруклинское метро, чтобы, подобно Золушке, попасть на бал в Манхэттен. Я прижимала тетрадки и вспоминала слова из песни Вилли Токарева: «Небоскребы, небоскребы, а я маленький такой», а рядом мелькали вывески магазинов Gucci, Tiffany, Armani...

Пролетали желторотые такси, пронеслись бизнесмены и красавицы с литровыми стаканами кофе и вечно включенными мобильниками. Я ныряла в здание университета, предварительно выключив телефон и добыв чашку кофе Starbucks.

Когда пафосный Нью-Йорк надоедал, я с легкостью оставляла его и уезжала на Брайтон-Бич, где время застыло в семидесятых. Там я предавалась ностальгии и подолгу бродила по улочкам, в витринах которых красовались российские консервы, бутылки кваса и сморщенная вобла. В книжном магазине «Санкт-Петербург» я закупала последние новинки русской литературы и музыки, чтобы потом, припрятав сокровища в рюкзачок, посидеть у набережной океана, подышать соленым воздухом под крики чаек, подумать о вечном и услышать чей-то окрик из многоэтажки: «Сема! Хватит шляться! Котлеты стынут!»

Прошло полгода, и я встретила моего будущего мужа Ави – студента бруклинской иешивы², приехавшего из Мельбурна в США. Гуляя по ночному Нью-Йорку, Ави уговаривал меня переехать в Мельбурн, но я брыкалась. Мне казалось, что нас с Нью-Йорком ждало счастливое будущее: я заканчивала учебу, знала каждый уголок мегаполиса, завела друзей и уговорила родителей со временем перебраться в Новый Свет...

По прошествии двух лет я поняла, как важна Австралия для моего мужа. Ави скучал по незнакомцу Мельбурну, рассказывал о его истории, природе, праздниках... и я сдалась. В очередной раз предстояло расставание со стабильностью и покоем. Я снова паковала чемоданы, распродала свитое гнездо и баюкала маленького сына по пути в аэропорт жарким, летним днем в июне 2008-го. Нью-Йорк не лил слез, а задорно помахал мне на прощание рукой статуи Свободы и улыбнулся своей белоснежной вежливой улыбкой.

А в Мельбурне была зима. Тусклые листья свисали с тонких деревьев. Я куталась в бесформенный свитер и никак не могла согреться. Я сидела дома без работы, отказывалась видеть красоту зеленого континента и предавалась воспоминаниям об ушедших возможностях.

Но весной город преобразился до неузнаваемости. Кругом распускались экзотические цветы, улицы наполнялись душистым ароматом эвкалипта, пляж радовал аквамариновым блеском. И тогда Мельбурн устроил мне сюрприз. Я забежала в трамвай, когда моим глазам неожиданно открылась новая сторона Мельбурна...

Я обнаружила красоту мохнатых пальм, окаймлявших океанское побережье. Я заметила молодых студентов, весело спешащих навстречу знаниям в стены университета. Я залюбовалась фонтанами Национальной галереи, городским вокзалом и Federation Square.³

Во мне что-то повернулось: мне показалось, что я нашла себя после стольких лет скитаний по городам и весям. С тех пор я частенько встречаюсь с Мельбурном. Мы гуляем в парках и библиотеках. Мы собираемся на берегу океана. Нам есть о чем поговорить друг с другом, и мне кажется, что у нас это всерьез и надолго.

² Иешива (ивр.) – название высшего религиозного учебного заведения, предназначенного для изучения Торы.

³ Federation Square – площадь Федерации, центральная площадь Мельбурна, знаменитая своей архитектурой. Является символом города.

В ожидании знаков

Иерусалимская дорога вилась гирляндой. Старый город остался позади; лесенка горных домиков переплеталась с изумрудными кипарисами, а красная черепица крыш блестела в лучах утреннего солнца. Из приоткрытого окна в салон машины залетал теплый ветерок, щекоча ее челку и ладони.

Таксист подпевал автомагнитоле, отстукивая ритм по коже руля. Хотя мог бы сделать и потише... Не в парк развлечений ведь едут... А с другой стороны, откуда ему знать?

Аня вжалась в сидение и перевела взгляд на сумку – новую, яркую, лаковую, из последней дизайнерской коллекции... Как же она ей радовалась – всего неделю назад.

У въезда в больницу стоял постовой в солдатской форме. Таксист опустил стекло.

– Как дела? Не жарко тебе? Сегодня обещали до сорока... – сказал таксист.

– Слава Б-гу! Сорок не пятьдесят, – засмеялся солдат.

– Это верно! Ну, будь здоров, не забудь надеть кепку, а то напечет, будешь потом всех подряд пропускать, – подмигнул таксист и заехал на стоянку.

– Разве вы знакомы? – спросила Аня, смотря вслед солдату.

– Нет и да, – пожал плечами таксист. – Ты спрашиваешь, знаю ли я его лично. Нет, мне неизвестны его имя и фамилия. Но я частенько сбрасываю здесь туристок на лечение... И потом, у нас в Израиле такие солдатики повсюду. Молодые, зеленые... Ну как не напомнить о головном уборе? Сам таким был... Эх... Пора. Всего доброго.

– Да-да... Я уже иду, – сказала Аня, вытаскивая кошелек. – Сдачи не надо...

Высокое многокорпусное здание поражало своим масштабом. Просто город какой-то, а не больница.

«Город боли и надежды...» – думала Аня, подходя к главному входу.

У раздвижных дверей стояла долговязая изможденная блондинка в голубоватом больничном халате, на вид ей было лет сорок пять. Женщина крепко держалась за переносную капельницу и... с жадностью курила.

Отшатнувшись в сторону, Аня зашла в прохладный светлый вестибюль и направилась к лифту. Нажала кнопку. Скоро, уже скоро...

Зажглась лампочка, и открылись двери. Внутри было человек пятнадцать, и все очень громко разговаривали. Еле втиснувшись внутрь, Аня закрыла глаза.

«Я справлюсь», – сфальшивил внутренний голос.

– Девушка! – кто-то окрикнул по-русски. – Вы что, иврита не понимаете? Вам на какой этаж?

– Не знаю... – хриплым голосом ответила Аня. – Мне в онкологию.

Шум голосов стих. Неожиданно стоявший рядом с Аней дедушка шепнул ей на ухо:

– Все будет хорошо... Вы такая молодая... У нас хорошие врачи. Самые лучшие в мире. И Б-г принимает буквально за углом – у Стены Плача...

Аня кивнула. Зажглась кнопка ее этажа.

В приемной сидели самые разные люди: светские и религиозные евреи, арабы, русскоязычные... Казалось, что лишь под угрозой общей боли они смогли объединиться.

Заплаканная молоденькая мама в хиджабе смотрела в щелку двери с большой желтой наклейкой «Не входите! Радиоактивно!». Усталый медбрат лишь раз попросил ее закрыть дверь, но, заметив на операционном столе худого восьмилетнего мальчика, тоже не отводящего глаз от лица мамы, перестал.

Мужчина в капоте⁴ и женщина в длинном черном платье и в парике толкали впереди себя инвалидное кресло, на краешке которого скрючилась девушка-подросток с забинтованной головой.

На плече у кучерявой брюнетки в солдатской форме спал пожилой мужчина в вязаной кипе. Рядом с ними о чем-то спорили русскоязычные пенсионеры, женщина в деловом костюме с американским акцентом читала сказку девочке с рыжими косичками...

Волонтеры разносили бутерброды и воду. Едва улыбнувшись, Аня покачала головой.

Вскоре из-за двери с желтой наклейкой вышла медсестра и гулко, с коридорным эхом, спросила по-русски:

– Анна Фишман есть здесь? Анна?

– Есть, – чувствуя учатившийся пульс, сказала Аня и медленно поднялась со стула. В последний раз ей было так же страшно... хотя нет, так еще не было.

– Идем. Ты следующая на КТ.⁵

Аня послушно поплелась за медсестрой.

От света электрических ламп кабинет звенел и отдавал желтизной. Продолговатый, по размеру тела, томограф стоял посреди кабинета.

– Переодевайся скорее в халат, видишь, какая у нас очередь, – сказала медсестра. – Беременности нет?

– Нет... А почему вы спрашиваете? – спросила Аня, снимая золотой браслет и сережки.

– Так нельзя беременным! Плод погибнет, – буркнула под нос медсестра.

– У меня нет детей и... вряд ли уже будут, – набрав воздуха, сказала Аня. – Я готова. Ложиться?

– Да, конечно, – сказала медсестра. – И не переживай. У тебя еще ничего не обнаружили. Просто врач хочет исключить... Тебе сколько лет-то?

– Тридцать, – сказала Аня, уставившись в мигающий лампочками круг томографа.

– Ну вот видишь! Я в тридцать только в Израиль переехала, в тридцать два Даньку родила, в тридцать четыре – Эллу, в тридцать пять с мужем развелась, а в тридцать семь окончила университет, сдала на права и снова вышла замуж – за моего же инструктора по вождению. Жизнь – она такая... Ну, с Б-гом, девочка! Пять-десять минут, и будешь свободна... Сделаешь себе маникюр какой-нибудь поинтереснее – на первом этаже есть отличный салон красоты, у меня там скидка...

Круг начал вращение, Аня зажмурилась и почувствовала странное покалывание по всему телу.

«Может, и правда обойдется? Может, дадут второй шанс?»

Наконец круг остановился. Аня открыла глаза и посмотрела в окно. Огромную темную тучу окаймляли солнечные лучи.

– Там что-то есть? – вскочив, спросила Аня.

– Подожди... Не так быстро... Результаты будут готовы только завтра. Но будем надеяться, что все обойдется, с Б-жьей помощью, – сказала медсестра, приобняв Аню. – А пока следи за знаками, я уверена, что тебе дадут знать свыше... Ну, переодевайся, иначе замерзнешь. И не стой голыми ногами на кафельном полу. Я пойду принесу дисконтную карту салона красоты.

...Оказавшись в вестибюле, Аня сразу увидела салон. На вращающихся кожаных креслах сидели девочки, девушки, женщины и бабушки, в больничных халатах, в тапочках, в вязаных

⁴ Капота (идиш) – сюртук. Традиционная одежда хасидов.

⁵ КТ (сокр.) – компьютерная томография – метод исследования внутренних органов с использованием рентгеновского излучения.

носках. Жужжали фены, и улыбочивые стилисты укладывали их волосы и парики. Клиентки улыбались своим отражениям.

Аня отошла от витрины и побежала к выходу, мимо кафетериев и лавочек, мимо аптек и магазинов одежды... Удивительно, какой насыщенной может оказаться жизнь пациентов больницы...

У центрального входа по-прежнему находилась блондинка, подключенная к переносной капельнице. На этот раз она не курила, а сидела на лавочке, впившись глазами в потрепанную книгу Ремарка.

Аня улыбнулась и пошла к шлагбауму. Подойдя поближе, она заметила, что он перевязан изолентой, точь-в-точь как очки ее бабушки, ушедшего много лет назад.

– Видишь, буквально пять минут назад треснул... – сказал постовой. – Пока ремонтники не приехали как-то замотал на скорую руку...

– Очень хорошо, – кивнула Аня. – Значит, обойдется.

– Да! У нас быстро чинят.

– Я не сомневаюсь, – засмеялась Аня. – А где у вас ближайший салон красоты?

Красно-белые полосы

...В фарфоровую чашку, наполненную водой, опускают маленькие скомканные клочки бумаги, которые, едва только погрузившись в воду, расправляются, приобретают очертания... становятся цветами, домами, плотными и распознаваемыми персонажами, так и теперь... все обыватели городка и их маленькие домики... все это... всплыло из моей чашки чаю.

Марсель Пруст

«В поисках утраченного времени»

Прав был Пруст, распознав в чашке липового чая очертания своей жизни. Малейшие детали, ароматы и цвета хранят в себе отпечатки прошлого. А может, это мы выгравированы в этих деталях...

Рабочая встреча. Экран, блокноты, графики, бумажные стаканы кофе... Неожиданно замечаю красное пятно в руках женщины. Сфокусировавшись, вижу, что это белая фарфоровая чашка в красную вертикальную полосу. От чашки поднимается пар. Женщина добавляет пакетик сахара. Звонко размешивает. Пьет.

...Красно-белые полосы обоев. Кухня в пятиэтажке деда и бабушки. Запах жженого сахара и карамели домашних леденцов... Пузырьки заварного крема для горячих вафель в потемневшей кастрюльке на плите, дребезжащий холодильник ЗИЛ и шелушащаяся краска потолка.

Я боюсь причудливых очертаний скомканной штукатурки и не смотрю вверх.

Из гостиной слышен приглушенный телевизор – заставка программы «Вести». Пульт замурован в лоснящийся полиэтиленовый пакет на тумбочке. Моя подружка, собачка Микки, тявкает в унисон экрану и виляет хвостом.

На столе граненые стаканы в железных подстаканниках. Крепкий чай «Три слона», рафинад и яблочное повидло на фарфоровом блюде. Баночка лекарств, коробка шахмат. Вечер. Зеленый абажур ночника.

Дедушка сидит спиной к столу, у фортепиано, на котором вольготно расположился величественный деревянный орел. Раскрыты помятые временем желтые страницы нот, но дед играет по памяти «Хава Нагилу» и «Тумбалалайку». Бабушка вздыхает, убирая в очередной раз оставленную на кресле мандолину.

Окна открыты, и через погнутую синеватую сетку от комаров в комнату залетает робкий весенний ветер с ароматом сирени. На улице скрежещет трамвай и кто-то бьет о стену футбольный мяч.

В прихожей запах гуталина, сквозь створки шкафа выглядывает шершавый рукав пальто.

Я останавливаюсь перед зеркалом. На меня с интересом смотрит девятилетняя девчушка в синем спортивном костюме. Русые волосы чуть выше плеч, удивленные зеленые глаза, в руках плюшевый дракончик.

Музыка смолкает. Закрывается дверь. В подъезде сыро и темно.

Улица. В предзакатных солнечных лучах появляется трамвай и приглашает войти внутрь.

Я оборачиваюсь в поисках дома и не вижу ничего, кроме ровной зеленой травы, покошенного гаража и покинутой голубятни.

Таксист

На дворе стояла нью-йоркская зима 2005-го. Мне было девятнадцать с копейками. Вот уже три месяца я жила в бруклинском районе Краун-Хайтс, в бейсменте⁶ с подружками, училась в институте, гуляла по музеям, а по утрам покупала себе кофе в бумажном стакане с крышечкой – совсем как взрослая.

Теперь же, когда меня пригласил на свидание молодой человек из самой Австралии, все изменилось. Его звали Ави, или Авраам, он приехал в Америку недели полторы назад, а больше я о нем ничего не знала. Но очень хотела узнать.

Об Ави мне рассказали неделей раньше Хаим и Эстер Серебрянские. Они жили по соседству и, несмотря на почтенный возраст, частенько звали меня в гости, как и многих других студентов, оказавшихся в городе без семьи.

Хаим любил готовить, но у него так себе получалось, а может, он просто не хотел утруждать Эстер, у которой сильно болели ноги.

Я старалась помочь на кухне.

– К нам недавно заходил один мальчик, – сказал Хаим, доставая из духовки разваливающийся противень из фольги с чересчур загорелым картофельным куглом.⁷ – Я думаю, тебе стоит с ним встретиться.

– А что в нем хорошего? – спросила я, неожиданно покраснев.

Хаим улыбнулся.

– Об этом ты узнаешь на первом свидании... Как у тебя со временем, скажем, во вторник?

Во вторник у меня были лекции по античной истории, но разве это может остановить желающих написать собственную?

Я летела с занятий, перепрыгивая через гулкие ступеньки института, по направлению к метро, чтобы успеть в сто первый раз пересмотреть гардероб, выпрямить утюжком волосы, – девчонки, вы мне на затылке распрямите? – навести марафет, разносить новые сапоги на каблуках, специально купленные накануне...

Разумеется, я страшно опаздывала. Сапоги по-предательски жали, соседки по комнате осыпали «дельными» советами...

Ровно в шесть раздался звонок в дверь. На пороге стоял высокий широкоплечий молодой человек в добротном сером пальто и черной шляпе. Он застенчиво улыбнулся и поздоровался.

– Вы Сара? – Я кивнула и про себя отметила большие карие глаза, овальные очки и подетски открытую улыбку.

Мы вышли на Кингстон-авеню. Ави рассказал анекдот, я рассмеялась, приказала сапогам не давить и немного перестала нервничать.

В тот вечер в Нью-Йорке шел снег – первый, робкий, пушистый... Ави поднял руку, чтобы поймать такси. Из-за угла выехал дребезжащий, как Карлсон, драндулет и остановился около нас.

Смуглый водитель опустил окно, подмигнул нам и сказал по-русски:

– Наконец-то! Я уже заждался. Давайте садитесь скорее!

Мы удивились, но сели на заднее сидение. Из колонок доносилась восточная инструментальная музыка.

Ави назвал адрес кафе, а затем сказал мне всего два слова:

– Ну... рассказывай.

⁶ Бейсмент (англ.) – цокольный этаж частного дома, который зачастую сдается хозяевами.

⁷ Кугл (идиш) – запеканка, традиционное блюдо восточноевропейской еврейской кухни.

«Что рассказывать-то?» – заерзала я. Что страшно боюсь тебе не понравиться? Что пытаюсь сделать вид, какая я независимая? Что хочу позвонить в Москву маме?

И пока я скребла по сусекам памяти, что именно стоит вспомнить из случившегося за последние девятнадцать лет жизни, таксист притормозил на светофоре, сделал музыку потише и неожиданно повернулся к нам.

– Я, конечно, очень извиняюсь, что прерываю вашу содержательную беседу... Но вы хоть понимаете, что... поженитесь? И причем довольно скоро...

Повисла пауза. Мы не знали, как реагировать.

Зажегся зеленый. Таксист улыбнулся, нажал на газ и продолжил:

– Я не вчера родился, ребятки. Катаюсь туда-сюда. Много кого вижу... А вы мне приглянулись. Так что не тяните там! Поняли?

– Да, – синхронно ответили мы, с недоумением поглядывая друг на друга.

– Тогда с Б-гом! – громко сказал таксист и остановил машину.

– В смысле? – напряглась я.

– Привез я вас, девочка. Вот кафе. Отличное место, скажу я вам, там та-а-акие пончики – просто еще одно ханукальное⁸ чудо!

Мы выскочили на улицу. Драндулет резко дернулся с места и скрылся за поворотом.

– Интересно, он всем такое говорит? – спросила я, смотря вслед машине.

– Время покажет... – ответил Ави, открывая дверь в кафе.

... Спустя месяц Ави сделал мне предложение. Мы и думать забыли о таксисте и всю готовились к свадьбе, составляли список гостей и оформляли визы родственникам.

Незадолго до торжества Ави нужно было съездить в Австралию. Я, как хорошая невеста, решила его проводить, стараясь не выдавать желания разреветься прямо на улице. Мы вновь стояли на Кингстон-авеню и ловили такси. Не прошло и минуты, как из-за угла появился драндулет с нашим старым знакомым.

Он притормозил, открыл окно и помахал нам:

– Садитесь, садитесь! Ну, что я вам говорил? Вот и свиделись!

Мы рассмеялись и сели в машину.

– Нам в аэ... – начал было Ави.

– Я знаю. Я все знаю, – сказал таксист, вздохнул и почему-то посерьезнел. – Вам еще не раз придется летать. В каждом городе будут встречи и расставания... Но каждая встреча – подарок.

⁸ Ханука – еврейский праздник света, установленный в честь чуда, произошедшего при освящении Храма после победы войска Иегуды Маккавея над армией царя Антиоха.

Из жизни зожников

Мама, папа, я – спортивная семья. Только мама – это я, папа – мой муж Ави, а детей целых двое. И все мы дружно решили заняться спортом, потому что спорт – это жизнь, а на диване места становится все меньше.

К этому умозаключению мы пришли вчера после сытного ужина. Ведь до ужина о спорте и похудении думают только максималисты. А мы не привыкли бросать дела на полпути. Сначала доели котлетки с жареной картошечкой, допили чай с медовиком, а уж потом задумались о физнагрузках.

Идея со спортзалом отпала сразу. Туда ходят одни качки и любители селфи. Бассейн показался слишком мокрым, на танцы живота муж записываться отказался категорически. И тогда наш сын Йося предложил кататься на велосипедах. Тут и спорт, и семейное время, и сплошная польза для здоровья.

А ведь правда, велосипеды у нас есть. Мы их купили еще лет пять назад на большой распродаже, два по цене трех, жутко выгодные.

Года полтора велосипеды ждали своего часа в коридоре. Обычно их час наступал глубокой ночью, когда кто-то вставал попить водички и спросонья натыкался на руль, роняя и себя, и сам велосипед под звуки родной речи.

Поэтому в целях самообороны мы перенесли их в подъезд и спрятали под лестницей. С одной стороны, уже на шаг ближе к улице, а с другой – не так сильно мозолят глаза. Ну а то, что соседи вскоре заставили наши велосипеды колясками, коробками и всяким очень нужным хламом, уже се ля ви.

И вот вчера о великах вспомнили. Не успели мы согласиться, сын побежал счищать с них паутину, дочка Ляля где-то раздобыла аж четыре шлема. Муж оживился и, раздобыв насос, вышел во двор подкачать колеса.

А тут еще, как назло, летний вечер и ни дождинки. Я вздохнула и принялась натягивать розовый шлем с Дюймовочкой.

«Вот и я скоро стану Дюймовочкой», – успокаивала себя я, пытаюсь застегнуть шлем у зеркала. Застежка жала и выскальзывала. Тернист путь спортсменки, но раз уж решила, то поползу до конца.

С этими мыслями я вышла на улицу, столкнувшись с нашим соседом Джеймсом.

– Не поздно собрались? – спросил он.

– Свежий воздух помогает лучше уснуть, – подмигнула я и почувствовала гордость за собственную настойчивость на пути к здоровому образу жизни. А ведь могла сбежать домой и спрятаться за корзиной стирки.

Сосед высоко поднял брови и, пряча улыбку, пожелал нам хорошей прогулки.

Но вдруг Ляля вспомнила, что забыла дома ветровку. Ави махнул рукой и сказал, что и так не холодно, но разве я могу позволить ребенку замерзнуть в +22?

Муж протянул дочке ключи, она юркнула в квартиру и через минуту выбежала обратно, захлопнув за собой дверь.

– Ну, мы уже можем ехать? – нетерпеливо спросил сын, запрыгивая на велосипед.

– Сейчас, только ключи уберу, – сказал муж. – Ляля, давай их сюда.

– Ой! – вскрикнула дочка. – Я, кажется, их оставила дома...

Повисла пауза. Муж посмотрел на меня и, прочитав мои хаотичные мысли, произнес:

– Так. Где твои ключи? Тоже дома?

Я медленно кивнула. А зачем было тащить с собой мою совсем неспортивную сумку? Вот если бы мы пошли в поход, тогда да. Чего только в ней не найдешь – и косметику, и зеркальце,

и недельную провизию для среднестатистической семьи. А на днях, к примеру, в моей сумочке, откуда ни возьмись, образовался разводной ключ... но я отвлеклась.

– Ясно, – отрывисто сказал Ави. – Тогда надо ехать к маме. У нее запасная пара.

– Была... – уклончиво заметила я, опустив глаза.

– А куда же она могла деться? – нахмурился муж.

– Ты понимаешь, дорогой, дело в том, что на прошлой неделе я тоже случайно захлопнула дверь... пришлось съездить к маме... а обратно отвезти ключи я еще не успела. Но ты не волнуйся. Мы сейчас что-нибудь придумаем, – чересчур бодро сказала я.

Смеркалось. Зажглись первые фонари. В голове не было ни одной дельной мысли.

Ну, кроме воспоминаний о весенних поездках на дачу в Клязьме лет двадцать с хвостиком назад, когда мы с папой и дедом отправлялись в Подмоскovie открывать сезон.

Мы ехали по чавкающим после дождя ухабам, полны решимости разобрать двор от листьев и вновь растопить печку. По дороге мы заезжали на рынок, покупали изумрудный лучок и молодые помидорки с «пимпочками»...

А потом, у ворот дачи, начинался традиционный *экишен*.

– Вадик, давай ключи, – говорил дед.

– Так ведь они у тебя, папа, – из года в год отвечал отец.

– Не может этого быть! – задумчиво произносил дед, начиная проверять карманы. – Я был уверен, что они у тебя.

– Значит, опять вся надежда на Лину, – смирившись с судьбой, говорил папа.

Затем он заходил во двор, находил самую хлипкую форточку, открыть которую не составляло особого труда, а затем подсаживал меня на плечи и отправлял внутрь.

«А как попасть в приличный дом, а как попасть в приличный дом – а только через форточку...»

– Лина, ау, ты слышишь меня? – громко спросил Ави. Он весь вспотел, пытаясь открыть балконную дверь. Тщетно. – Я говорю, что вся надежда на Йосю. Если он сможет пролезть через форточку, мы попадем в дом. Пойди попроси у Джеймса лестницу и гвоздодер.

Я было хотела спросить, зачем нам гвоздодер, но, увидев лицо мужа, решила, что любопытство излишне.

Вооружившись гвоздодером, Ави взобрался на стремянку и начал выковыривать металлическую сетку под форточкой. Затем посадил на плечи Йосю, который по-геройски полез внутрь. Моя школа...

– А что, если я застряну? – испуганно спросил сын.

– Это только в мультиках так бывает, ты же не Винни Пух! – натянуто улыбнувшись, пообещала я, а сама зажмурилась от страха и сжала дочкину руку.

...Закончилось все хорошо. Йося смог забраться в квартиру и впустить нас следом. Мы оставили велосипеды под лестницей и сели на диван отдышаться.

Конечно, велосипедисты из нас получились средненькие, но муж – чем не тяжелоатлет? А Йося – замечательный скалолаз. Ну а мы с Лялей – группа болельщиц. Ведь каждому уважающему себя спортсмену в жизни нужна поддержка... и шоколадка. С орешками.

Искренние поздравления

– Добрейшего утречка вам, Сара! Не разбудил звонком? А мне сорока на хвосте принесла, что оно у вас доброе! Ну, признавайтесь скорее, сколько вам стукнуло?

– Было добрым... Стукнуло... Момент, а вы кто такой вообще?

– Как же? Не признали? Значит, буду богатым. Очень. Это же я, старина Дэвид, ваш оператор мобильной связи. Вспомнили?

– Аа... Джим, вы по поводу неоплаченного счета? Я на недельке все оформлю...

– Дэвид, Сарочка, Дэвид! И зачем нам эти счета! У нас же праздник – ваш день рождения. Я угадал?

– Да, угадали. А почему вас это интересует? Еще одна дурацкая рекламная кампания?

– Что вы! Вовсе нет... Просто мы заботимся об интересах наших клиентов и ни-когда не забываем об их памятных датах! Примите наши искренние поздравления! От улыбочивого лица всей нашей компании желаем счастья, любви, понимания и регулярного общения с близкими... У вас их немало по свету... И как же здорово, что вы не боитесь расстояний и частенько им звоните в этот век мгновенных сообщений и всяких там вайберов и вотсапов...

– Ну спасибо... Так трогательно...

– А чтобы понимание было действительно четким, предлагаю вам немедленно перейти на новый тариф мобильной связи «Оптимум» по заниженной спеццене!

– Та-а-а-ак, значит, все-таки очередная реклама? Ничего мне от вас не надо! До свидания!

– Ну что вы... я ни на чем не настаиваю. Просто хотелось сделать вам приятно. А как собираетесь праздновать?

– Посижу с друзьями в ресторане. А что? Хотите присоединиться?

– Я бы с радостью, но все дела... А вы совершенно правы, настоящая дружба – это главное, что есть в нашей суетной жизни... Кстати, не желаете ли обрадовать друзей и вручить им в честь праздника по ваучеру на приобретение мобильных аксессуаров в сети наших магазинов? Обещаю организовать внушительные скидки! С каждой покупки – вам процентик!

– Дэвид, вы издеваетесь? Может, еще вместо застолья спуститься с друзьями в подземный переход и дружно раздавать ваши рекламки?

– Я как раз хотел сказать... Безусловно, мы предложим серьезные дивиденды. И потом, это прекрасный шанс подзаработать на свежем воздухе, а также уверенный шаг в собственный бизнес! Франшиза – как много в этом звуке... Сара, по-ду-май-те!

– Еще одно слово – и у меня начнется такая «шиза», что вы сами сделаете уверенный шаг в известном направлении! Не звоните мне больше! Не нужны мне такие поздравления! И скидки тоже не нужны! Я вообще перейду к вашим конкурентам. Усекли?

– Отличная идея, Сарочка. Но давайте для начала обговорим условия сотрудничества. Вы уходите к конкурентам и досконально изучаете их пакет услуг. Затем еженедельно отчитываетесь нам о плюсах и минусах каждого сервиса. А мы, в свою очередь, обязуемся...

– Так! До свидания! Вербовка не состоялась!

– Что сказать... очень жаль. Ведь просто хотелось порадовать именинницу... Сделать день незабываемым... Уж извините меня, пожалуйста... Просто я так люблю мою работу и порой сложно сдержать свой пыл.

– Ну ладно... я понимаю... Все хорошо.

– Точно-точно?

– Да, Дэвид. Спасибо, что поздравили.

– Не за что, Сарочка! И да... как вы правильно заметили в начале нашего разговора, ваша задолженность составляет сто сорок восемь долларов и пятнадцать центов. Если вы не произведете оплату в течение суток, то ваш счет будет заблокирован.

– Что-о-о?! И это называется «поздравить человека с днем рождения»?!

– Ну ладно... так и быть... Можете оплатить в течение двух суток. Чисто по-дружески. Но, чур, повеселитесь там за нас! И почаще берите трубочку!

Смартфон

Правду говорят, что живем в мире умных телефонов и дальновидных технологий. Без телефона никуда. Он и пишет, и газеты читает, и советы на все случаи жизни раздает... Словом, не аппарат, а друг, наставник и брат. А недавно он и вовсе изменил мою жизнь.

В тот день я сидел на работе, переключал бумажки и считал минуты до обеда. Я обычно их долго считаю, часиков с девяти и прямиком до полудня.

Минут оставалось много. И вдруг зазвонил мобильник.

– Привет, Дим! – сказала трубка Мишкиным голосом. – Перезваниваю. Молоток, что все-таки решился.

– В смысле?

– Ну как... ты ж звонил, а я пропустил вызов. Прости, совещание кинематографистов затянулось. Не суть... Главное, что ты нашел в себе силы уйти с этой дурацкой работы. Я сразу Льву Генадичу сказал, что раз ты перезвонил, значит, все обдумал... А то потом лови его по командировкам. В общем, наши все за, в понедельник начинаешь.

– Хмм, спасибо, Миш... Слушай, а когда я тебе звонил-то? Не припоминаю...

– Во дает. Ты там, случайно, не перегрелся в офисе? Окно открой да проветри голову. Ты звонил час назад. Как и обещал, мол, обдумаешь предложение на выходных и выйдешь на связь. Короче, пиши увольнительную, с тебя бутылка! До скорого!

Заморгала красная трубка, и Мишка исчез.

Почесав затылок, я уставился на экран. Открыл лист исходящих вызовов. Действительно – попытка позвонить Михаилу с «Мосфильма» в десять утра. Но каким образом? Я ведь никому не звонил!.. Дурдом. Сейчас перезвоню и скажу, что произошла ошибка.

Разве можно вот так с бухты-барахты увольняться? Ведь у меня и опыта почти никакого... А это, на минуточку, «Мосфильм»! А если ничего не получится?

Тут в кабинет зашел начальник отдела, Петр Аркадьич, и, ехидно ухмыльнувшись, водрузил очередную кипу бумаг на мой стол.

– Рассортируешь в алфавитном порядке. Затем подготовишь мою речь к предстоящему совещанию акционеров и приступишь к написанию годового отчета. Да, и кофеек мне занеси. Секретарша дома с очередным нервным срывом. Никто из вас, оболтусов, не хочет работать...

Взглянув на самодовольную физиономию Петра Аркадьича, я не удержался и прыснул. Тот обернулся и, недовольно сверкнув очками, вышел в коридор.

Где он, а где «Мосфильм»?

Отодвинув бумаги в сторону, я быстро накатал заявление об уходе и, напевая под нос, пошел на обед.

Но не успел я выйти на улицу, вновь раздался звонок.

– Димочка, какой ты умница! Первый вспомнил. Спасибо, родной.

– Мама? – искренне удивился я. – О чем я вспомнил?

– Ну брось, скромняга ты наш. Не забыл поздравить. А мы с папой особенно и не планировали праздновать, ведь даже не золотая свадьба, а так... еще дожить надо. Хотя сейчас люди и года под одной крышей не выдерживают. В любом случае – ты позвонил.

– Мам, мам... погоди. Ну я, конечно, не мог пропустить вашу годовщину. А... когда именно я звонил?

– Димочка, ты позвонил утром, я как раз вышла в магазин что-то подкупить к вечеру... Оливьешку хотела папе сделать. Думали, посидим одни, по-стариковски, мы же понимаем, как ты занят на работе. А тут вернулась, смотрю, автоответчик подмигивает: Дима звонил, поздравил, обещал заехать. Сразу тепло на душе стало. Сыночка ты наш!

Тут я чуть не упал. Потом набрал побольше воздуха и еле произнес:

– Я и сообщение оставил?

– Ну да. Сказал: «Мама, папа, спасибо, что вы вместе все эти годы». Что любишь нас очень и обязательно вечером заедешь. Теперь уж точно будет настоящий праздник! Я и рюмки хрустальные протерла, тесто на пирог поставила. В котором часу тебя ждать?

– К ужину приеду, мамуль, – расслабив галстук, ответил я и отключился.

Ничего не понимая, я сел на ближайшую скамейку и опять посмотрел на список исходящих вызовов.

Звонок маме. Одиннадцать утра.

В голове крутились два вопроса: как я мог забыть о годовщине свадьбы родителей и кто за меня оставил сообщение?

Мимо проплывала толпа. Люди смотрели на экраны телефонов и на ходу набирали текст. Казалось, что они совсем не замечали друг друга и, наверное, не знали, что сегодня – первый день весны, о котором пел на ветке откуда ни возьмись прилетевший соловей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.